

**КАБАНОВ
КИРИЛЛ ВИКТОРОВИЧ**

член Совета при Президенте РФ
по развитию гражданского общества и правам человека,
председатель Национального антикоррупционного комитета

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОРРУПЦИИ В РОССИИ: ОТ УГРОЗЫ НАЦБЕЗОПАСНОСТИ ДО ТОЧЕЧНЫХ ПРОБЛЕМ ОТРАСЛЕЙ?

Если оценивать коррупцию как системное негативное явление в России, то, конечно, становится понятным, что она претерпела очень серьезные изменения после 2008 года. А по-другому и не могло быть, поскольку именно с этого года начало формироваться правовое антикоррупционное пространство, начала формироваться антикоррупционная система. Можно сказать, что потребность в ней появилась и у государства, и у значительной части правящей бюрократии. Чуть позже В. В. Путин публично признал коррупцию одной из угроз национальной безопасности. Именно после этого заявления началась чистка высших чиновников федерального и регионального уровней. С 2008 по 2012 годы формировались правовые антикоррупционные механизмы, а после 2012 года они стали внедряться и развиваться.

Были внесены изменения в процедуры, сводящие на нет практически целые сектора коррупционного рынка. Активно развивается институт декларирования, разрабатывается процедура изъятия предметов незаконного обогащения. В ряде экономических сфер и секторов государственного управления при принятии решений начал применяться риск-ориентированный подход именно с позиции антикоррупции.

В национальных планах по противодействию коррупции открыто говорится об отраслях экономики, наиболее подверженных этой проблеме. Постепенно проблема коррупции в общественном сознании уходит с лидирующих позиций, а в ряде регионов даже не попадает в пятерку ведущих угроз. В этом заслуга в том числе конкретных руководителей. Кроме этого, проблему коррупции очень сильно

«перегрели» в политическом смысле. Антикоррупционная дискуссия в сознании большинства граждан стала ассоциироваться с дестабилизацией.

Хотя кризис доверия между обществом и властью пока не преодолен в полном объеме, для большинства населения это не является доминирующей проблемой.

В обществе создано впечатление, что коррупционеров привлекают к ответственности в большом количестве, это вызывает двойной эффект: с одной стороны, борьба с коррупционерами идет, со второй — «большинство генералов воруют, и воруют квартирами с деньгами». В связи с достаточно частым упоминанием конкретных кейсов в СМИ острый интерес к этой проблематике пропадает, вырабатывается привыкание к подобного рода информационным всплескам, что, в свою очередь, снижает остроту восприятия и, как говорилось выше, интерес.

Если оценивать тактическую составляющую в системе противодействия коррупции, то можно говорить о снижении активности Управления Президента РФ по вопросам противодействия коррупции. Это может быть связано с доформированием антикоррупционной системы, то есть ощущением выполненности (в значительной степени) задачи. Но при этом идет активизация антикоррупционной деятельности со стороны Генеральной прокуратуры РФ, что тоже объяснимо. Важно отметить, что в значительной части элит уже сложилось понимание необходимости снижения уровня коррупции.

При этом, если отмечают сектора экономики и управления, в которых уровень коррупции значительно снижается, падает уровень вовлеченности и влияния коррупционных мотивов на принятие решений, то все равно остаются стратегические отрасли и направления, в первую очередь цифровизация, в ходе реализации которых степень коррупции и ее влияния остается на высоком, зачастую опасном уровне. На это есть объективные причины как процедурного характера, так и в структурах принятия решений, в отчетности о результатах. Но главное — это большой объем выделяемых федеральных и региональных бюджетных средств и отсутствие конкретизации задач по их использованию.

Цифровизацию за последние пять лет можно определить как лидера по коррупционной емкости. Если говорить о невыполненных стратегических задачах, то к ним можно отнести:

1. Отсутствие усиления уголовной ответственности за преступления коррупционного характера. Попытки Следственного комитета РФ и правоохранительных органов усилить ответственность коррупционеров, используя ст. 210 УК РФ, чаще всего приводят к «развалу» уголовных дел по этой статье и переквалификации деяний по ч. 4 ст. 159 УК РФ. Конечно, это не способствует эффективному расследованию этого вида коррупционных преступлений.

2. Не отработан механизм возврата из-за рубежа денежных средств, похищенных в результате противоправной деятельности. Необходимо понять и принять, что зарубежные страны не будут сотрудничать с Россией в этой сфере, для этого есть как политические, так и чисто экономические соображения. И сегодня стоит вопрос о создании внутренних механизмов для решения этой проблемы.

3. Многократно говорилось о необходимости реализации системы антикоррупционной экспертизы НПА. Однако это решение блокируется бюрократией даже не из-за глубокого коррупционного замысла, а из-за косности подхода и нежелания модифицировать систему принятия решений, включая делопроизводство, с мотивировкой отсутствия средств и профессиональных ресурсов.

В качестве вывода можно заключить, что общие тенденции в противодействии коррупции в России имеют позитивный характер, но это если оценивать их в стратегическом развитии. Подобные оценки не свойственны обществу, в связи с чем коррупция всегда будет в пуле тем политических конкурентов.